

лыя или растлѣнныя тайны (разумѣется — запасные Дары для больных)... на жертвенницѣ со остатки въ потиръ всыпавъ, потреби»¹⁾.

На основаніи сказаннаго, можно судить, какимъ цѣннымъ вкладомъ въ науку каноническаго права и исторіи Византіи являются разсмотрѣнные нами новые труды проф. А. И. Алмазова. Съ чувствомъ глубокаго удовольствія привѣтствуя появленіе въ свѣтъ этихъ трудовъ, желаемъ автору успѣха въ его дальнѣйшихъ ученыхъ изысканіяхъ.

Проф. М. Красноженъ.

Antonius Staerck. O. S. B. Der Taufritus in der griechisch-russischen Kirche, sein apostolischer Ursprung und seine Entwicklung. Freiburg i. B., Herder 1903. XVI + 194 стр. 8°. Цѣна 7 м.

Какъ видно изъ предисловія (стр. VII—IX), изслѣдованіе автора имѣетъ своею задачею ознакомить лицъ инославныхъ вѣроисповѣданій съ чиномъ крещенія и муропомазанія восточной и въ частности русской церкви. Въ этихъ цѣляхъ имъ излагается современный составъ того и другого и въ качествѣ освѣщающихъ исторію его возникновенія и развитія данныхъ приводятся соотвѣтствующія свидѣтельства древности. Отвѣчая своимъ содержаніемъ на запросы времени, — на все болѣе и болѣе усиливающійся на западѣ интересъ къ православію, трудъ автора безусловно достигалъ бы намѣченной цѣли, если бы не отличался тенденціозностью, — стремленіемъ оправдать католическіе взгляды, а также скудостью и ошибочностью сообщаемыхъ свѣдѣній. Первый недостатокъ сказывается лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, второй же проходитъ чрезъ все сочиненіе. И прежде всего, останавливаясь на катехуменатѣ (стр. 5—17), авторъ оставляетъ безъ всякаго вниманія коренящуюся въ апостольской практикѣ (Дѣян. II, 14 и д., IV, 8 и д., X) исторію возникновенія оглашенія, какъ наставленія въ истинахъ христіанской вѣры, а равно и самый ходъ этого послѣдняго, — постепенное раскрытіе истинъ вѣры. Никогда не простираясь на всю систему вѣроученія во всей его полнотѣ (Кириллъ Іерусалимскій, Предогласительное поученіе; Іоаннъ Златоустъ, 4-ая Бесѣда на 1 Кор.), оно разнообразилось въ зависимости отъ внутренняго и внѣшняго состоянія оглашаемаго и продолжительности самаго оглашенія. Въ три года (Апостольскія постановленія VIII кн. 32) можно было научить большому, чѣмъ въ два (144 новелла Юстиніана), тѣмъ болѣе въ 40 дней (Кириллъ іерусалимскій, 1-ое Огласительное слово). Не касаясь зависимости оглашенія отъ возраста, способностей, образованія оглашаемаго, отъ усердія къ изученію преподаваемыхъ истинъ и т. п., авторъ не имѣлъ возможности остановиться и на вызываемомъ всѣми этими обстоятельствами раздѣленіи оглашенныхъ на классы. Наставленіе въ истинахъ вѣры, единственное замѣчаніе о которомъ встрѣчается въ

1) Стр. 66—70.

примѣчаніи къ 23 стр., составляло лишь одну сторону оглашенія, другою являлись сопровождающіе его церковные обряды. Первое мѣсто среди нихъ занималъ чинъ принятія въ оглашенные. Ограничиваясь по этому вопросу сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ извѣстномъ памятникѣ IV в. «*Testamentum Domini nostri Jesu Christi*» и сводятся къ указанію, кто можетъ быть принятъ въ оглашенные (стр. 7 — 11), авторъ умалчиваетъ о такихъ дѣйствіяхъ разсматриваемаго чинопослѣдованія, какъ крестное знаменованіе, молитва, возложеніе рукъ (О церковной іерархіи, гл. II). Въ современномъ чинѣ все это соотвѣтствуетъ «молитвѣ во еже сотворити оглашеннаго» и предшествующимъ ей дѣйствіямъ. Касается ихъ и авторъ, но онъ не понимаетъ исторіи происхожденія данныхъ обрядовъ изъ древняго чина принятія въ оглашенные и при объясненіи ихъ впадаетъ въ непростительные ошибки. Такъ, приводимыя имъ въ доказательство древности перечисленныхъ дѣйствій свидѣтельства Кирилла іерусалимскаго и «*Testamentum'a*» (стр. 18) говорятъ о совершеніи ихъ не при вступленіи въ разрядъ оглашенныхъ, а предъ погруженіемъ крещаемаго въ воду, т. е. имѣютъ въ виду совершенно другой моментъ. Несоотвѣстіе доказательства доказуемому на лице, и подмѣтитъ его тѣмъ болѣе не составляло труда, что, повторяя въ текстѣ замѣчаніе современнаго Требника о снятіи съ оглашаемаго только верхней одежды, дуновеніи и знаменованіи до заклинанія, авторъ приводитъ въ примѣчаніи такія выдержки изъ «*Testamentum'a*:» «*baptisandi stent nudi in aquis;*» «*postquam sacerdos exorzisaverit eos, inufflet in eos, signet eos in fronte*» (стр. 18, прим. 3, 5). Подобнымъ же путемъ доказывается древность и современной молитвы «во еже сотворити оглашеннаго». Въ параллель ей ставится молитва того же «*Testamentum'a*:» «*Deus, qui tonitra demittis*» (стр. 19). Но какъ видно изъ самаго памятника, она не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ разсматриваемому чину, — произносится на литургіи предъ удаленіемъ оглашенныхъ изъ храма (стр. 117 — 19). Въ заключеніе къ разсматриваемому отдѣлу авторъ находитъ нужнымъ сказать объ исповѣданіи оглашаемымъ своихъ грѣховъ и въ доказательство приводитъ свидѣтельство Іустина Мученика, Тертуліана, Кирилла іерусалимскаго и т. п. (стр. 21 — 2). Достоверность всѣхъ этихъ сказаній не подлежитъ сомнѣнію. Дѣло лишь въ томъ, что они отмѣчаютъ практику, не имѣющую никакого отношенія къ чину принятія въ оглашенные, говорятъ объ активномъ участіи оглашаемыхъ при ихъ наставленіи, а потому и перечисленіе ихъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ совершенно неумѣстно. Не достаточно освѣщена также исторія и дальнѣйшаго обряда въ чинѣ оглашенія, — заклинаній. Двѣ ссылки на «*Testamentum*» и правила В. Великаго (стр. 33, 35) не разъясняютъ ни времени появленія заклинаній въ чинѣ оглашенія (III в. Оригенъ, *Contra Celsum*, lib. III), ни причинъ, по которымъ они, совершаемыя прежде надъ одними бѣсноватыми (Іустинъ, Разговоръ съ Трифономъ, гл. 30; Θεοφιλὴς Ἀντιοχίης, Къ Автолику, кн. 2, гл. 8), стали произноситься

надъ оглашенными; не даютъ эти свидѣтельства указаній и на то, какъ долго продолжались заклинанія, и соединялись ли съ ними современные обряды дуновенія въ лице. Въмѣсто сообщенія этихъ необходимыхъ свѣдѣній авторъ подробно трактуетъ о существованіи заклинаній у евреевъ и древнихъ языческихъ народовъ (стр. 35 — 8). Заклинанія, имѣвшія цѣлью отгнаніе демоновъ, составляли въ данномъ актѣ элементъ объективный; субъективнымъ являлось отреченіе самага оглашаемаго отъ сатаны и сочетаніе съ Христомъ. Не выясняя этой связи, а потому и исторіи возникновенія даннаго обряда, авторъ вводитъ читателя въ заблужденіе и относительно времени его появленія. Какъ видно изъ второй бесѣды Оригена на 36 пс., онъ существовалъ уже въ III ст., между тѣмъ, по указанію автора, первое по времени упоминаніе о немъ встрѣчается у Кирилла іерусалимскаго, отца IV в. (стр. 40). За отреченіемъ отъ сатаны слѣдовало, говоритъ авторъ, помазаніе елеемъ (стр. 41). Но какъ видно изъ разсужденій стр. 95 — 6, данное дѣйствіе не всегда сопровождало отреченіе. По другой практикѣ оно имѣло мѣсто предъ погруженіемъ въ воду. Въ виду этого нѣтъ никакой необходимости говорить о немъ въ связи съ вопросомъ объ отреченіи, тѣмъ болѣе выдавать подобную послѣдовательность дѣйствій за обычное явленіе. Дальнѣйшимъ обрядомъ въ современномъ чинѣ крещенія является исповѣданіе вѣры. То же самое мѣсто занимало оно въ немъ и въ IV ст. (Апост. Постановленія, кн. VII, гл. 41). Между тѣмъ для доказательства его древности авторъ ссылается на совершенно другую практику, состоящую въ томъ, что исповѣданіе вѣры произносилось не послѣ отреченія отъ сатаны и сочетанія со Христомъ, а въ самый моментъ погруженія въ воду (стр. 46 — 8). Будучи совершенно отлична отъ современной, подобная практика не подтверждаетъ, конечно, ея древность. Исповѣданіе вѣры при погруженіи не было тѣмъ исповѣданіемъ, которое, какъ необходимое условіе крещенія, требовалось отъ каждаго приступающаго къ таинству и потому сохранилось и въ современномъ его составѣ, а представляло явленіе временное, вызванное случайными обстоятельствами. Какъ думаютъ, на возникновеніе обычая произносить исповѣданіе предъ погруженіемъ имѣли вліяніе ереси и преимущественно гностиковъ, крестившихся то въ трехъ Отцевъ, то въ трехъ безначальныхъ началъ, то въ трехъ Утѣшителей. И такъ какъ въ символѣ вѣры, произносимомъ послѣ отреченія, нѣтъ указаній, во имя кого совершается крещеніе, то представители нѣкоторыхъ церквей и ввели въ обычай, чтобы крещаемый во время крещенія самъ торжественно исповѣдывалъ, что онъ признаетъ крещеніе не во имя какихъ нибудь трехъ отцевъ, но именно во имя отца, Сына и св. Духа. Слѣдующіе отдѣлы, трактующіе о самомъ крещальномъ актѣ, не представляютъ уже подобныхъ промаховъ, но отличаются неполнотою. Такъ, автору неизвѣстно, что современный чинъ освященія воды для крещенія сложился въ разное время: въ однихъ дѣйствіяхъ (ектенія, двѣ молитвы: «Благоутробный и милостивый Боже»,

«Велій еси Господи») восходитъ къ VIII — IX ст. (Goar *Εὐχολόγιον*, стр. 292 — 4), въ другихъ (облаченіе священника въ бѣлыя одежды, кажденіе) — къ X, а окончательно сформировался въ XVI ст. Съ такою же силою сказывается скудость свѣдѣній по вопросу о молитвахъ въ 8-ой и 40-ой день по рожденіи ребенка (стр. 65 и д. 185 и д.). Авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о древнѣйшей редакціи даннаго чинопоследованія въ барбериновомъ евхологіи VIII—IX в., ея осложненіи въ криптоферратскомъ спискѣ XIII ст. и современномъ ему барбериновомъ второмъ и о появленіи современной редакціи въ спискахъ XVI ст.

Освѣщая, хотя и далеко не полно, исторію чина крещенія въ греческой церкви, авторъ совсѣмъ уже не касается его судьбы въ русской. Все, чѣмъ онъ ограничивается въ данномъ случаѣ, это выписки изъ современнаго Требника. И подобное явленіе вполнѣ понятно. Знакомясь съ чиномъ крещенія русской церкви по сочиненію пр. Никольскаго: «Пособіе къ изученію Устава» и нѣмецкому переводу требника пр. Мальцева, авторъ не знаетъ русской литературы объ обрядовой сторонѣ даннаго таинства, а потому и не имѣетъ никакого представленія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя испыталъ чинъ крещенія въ русской церкви.

Что касается чина муропомазанія и заключительныхъ дѣйствій крещенія, то исторія ихъ изложена съ большею обстоятельностью. Напрасно лишь авторъ усиленно настаиваетъ на обычаѣ древне-греческой церкви совершать муропомазаніе чрезъ возложеніе рукъ и для доказательства этого ссылается на Кирилла іерусалимскаго и седьмое правило II вселенскаго собора. Большею устойчивостью отличается другая форма, — помазаніе муромъ, и о ней то, а не о руковозложеніи говорятъ Кириллъ іерусалимскій, и II вселенскій соборъ. Съ другой стороны, чувствуется, какъ и ранѣе, недостатокъ историческихъ свѣдѣній: совершенно не освѣщена исторія образованія чина освященія мурѣ (стр. 147 и д.), — не использованы тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ поэтому вопросу *Εὐχολόγιον* Гоара, не отмѣчено время появленія въ чинѣ крещенія обычая кругообразнаго шествія вокругъ купели (стр. 164), время установленія читать апостолъ и евангеліе (стр. 170; VIII в.), не разъясненъ смыслъ древняго предписанія, чтобы новокрещенные читали молитву «Отче нашъ» (стр. 164). Безъ всякихъ основаній утверждаетъ также авторъ, что обычай соединять крещеніе съ литургіею восходитъ къ апостоламъ (стр. 168).

Изложеніе исторіи чина крещенія и муропомазанія восточной церкви не даетъ прямыхъ побужденій входить въ обсужденіе римско-католическаго обряда. И тѣмъ не менѣе авторъ останавливается на немъ, доказываетъ законность обливательнаго крещенія (стр. 118 и д.), ученія о *Filioque* (стр. 54 и д.), римской формулы крещенія (стр. 118 и д.) и т. п. Защита всѣхъ этихъ пунктовъ выдвигаетъ обычныя въ католической литературѣ данныя, — не сообщаетъ имъ устойчивости и не ослабляетъ правильности восточной практики.

А. Петровскій.